

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ им. С.И.ВАВИЛОВА

АРХИВ
ИСТОРИИ
НАУКИ И ТЕХНИКИ

V (XIV)

Серия основана в 1933 г.

Возобновлена в 1995 г.

МОСКВА

2015

УДК 001 + 62
ББК 72.3 + 30Г
А87

Ответственный редактор
доктор исторических наук С.С. Илизаров

Рецензенты:
доктор исторических наук З.К. Соколовская
доктор исторических наук В.М. Магидов

Научно-вспомогательная работа проведена
И.Р. Грининой и Е.В. Мининой.
Перевод на английский язык М.М. Клавдиевой

Архив истории науки и техники / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Наука, 1995–.

Вып. V (XIV) [отв. ред. С.С. Илизаров]. М.: «Янус-К», 2015. – 592 с.

ISBN 978-5-8037-0647-2

Сборник содержит материалы по историографии и источниковедению истории науки и техники. Впервые издаются на русском языке важнейшее историко-научное сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Развитие науки и учености в России», 6-я книга «Естественной истории» Плиния Старшего. Публикуются статьи об историко-научном наследии А.С. Лаппо-Данилевского, П.Л. Лаврова, В.Л. Комарова, С.Л. Соболя, Б.А. Старостина. Анализируются делопроизводственная научно-техническая документация начала XVIII в., материалы, связанные с реформой Санкт-Петербургской Академии наук (1841 г.), съездов русских естествоиспытателей; рассматриваются особенности текстовых, вещественных и изобразительных источников по истории науки и техники.

Для специалистов в области истории науки и техники, всех интересующихся развитием научного познания, технического творчества.

© ИИЕТ РАН, 2015.
© коллектив авторов.

ISBN 978-5-8037-0647-2

I.
СТАТЬИ
И
СООБЩЕНИЯ

Е.Ю. Басаргина

РЕФОРМА ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1841 г.¹

«Пора кончать с делом академии: я все жду»
Николай I. 14 октября 1841 г.

В 1841 г. правительство провело реформу Академии наук, в результате которой существенно расширился круг ее деятельности, изменились ее структура и личный состав. По своим масштабам, поспешности и непредсказуемости последствий она сопоставима с тем потрясением, которое переживает старейшее научное учреждение России в наши дни, накануне своего 300-летнего юбилея. Если в 1841 г. впервые в истории произошло объединение двух академий, то в 2013 г. одним росчерком пера сразу три академии слились воедино. Если анализ современной государственной научной политики в России может стать уделом *только будущих* историков науки, то разобраться в «прецеденте» 170-летней давности нам позволяют архивные материалы, в том числе и вновь выявленные в последнее время.

В 1841 г. волей императора Николая I к Императорской Академии наук была присоединена Императорская Российская академия [1]. Российская академия была создана Екатериной II в 1783 г. как национальный центр для исследований в области русистики и славяноведения. Академия занималась составлением словарей и грамматики, написанием правил стихосложения, изданием сочинений, проведением литературных конкурсов. Выбор ее членов определялся «из известных людей, знающих российский язык». Составленные Российской академией «Грамматика русского языка» (СПб., 1802. Ч. 1–3) и «Толковый словарь», или «академический» словарь, подготовленный в очень короткие сроки (СПб., 1789–1794. Ч. 1–5), были основополагающими трудами в создании отечественного литературного и научного языка.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII–начале XX в.»).

Если в первый период своей деятельности академия пользовалась всеобщим сочувствием, то к 1841 г. она утратила свое былое величие, ее деятельность уже не имела ни строго научного характера, ни литературного значения [2].

В отличие от находившейся в упадке Российской академии, Императорская Академия наук, созданная в 1724 г. по замыслу Петра I, переживала невиданный расцвет. Своим процветанием она была во многом обязана своему президенту графу Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855) [3]. Человек весьма одаренный, снискавший себе репутацию выдающегося автодидакта своего времени, Уваров уже в ранней молодости сделал блистательную карьеру, получив в 24-летнем возрасте солидное назначение попечителем Петербургского учебного округа (1810–1821). В зрелые годы (1833–1849) он был министром народного просвещения и положил в основу деятельности этого министерства программу, построенную на исторических принципах российской государственности и культуры, которая вошла в историю как «теория официальной народности».

Действуя в духе своей идеологической программы, Уваров поощрял изучение отечественной истории и в 1834 г. учредил в составе Министерства народного просвещения Археографическую комиссию для извлечения из архивов и публикации полного корпуса документов по русской истории. Во главе комиссии он поставил своего ближайшего помощника по министерству П.А. Ширинского-Шихматова, а ее главными деятелями были неутомимые исследователи книжных и архивных хранилищ П.М. Строев и Я.И. Беренников. Издания комиссии существенно обогатили отечественную историю.

В 1818 г. судьба накрепко связала Уварова с высшим научным учреждением страны – Академией наук, которую он возглавлял 37 лет. Все это время Уваров старался сделать ее столь же солидным и уважаемым учреждением, как в Западной Европе: Академия наук была полностью реформирована, в нее стянулись самые крупные научные силы дерптской школы: физик Э.Х. Ленц, зоолог К.М. Бэр, химик Г.И. Гесс, а также питомец парижской математической школы М.В. Остроградский. Именно в это время была основана Пулковская обсерватория, которую по приглашению Уварова возглавил один из лучших астрономов того времени В.Я. Струве. В 1837 г. на строительство обсерватории Уваров, пользуясь своим правом министра народного просвещения, изынял из сундуков Российской академии 400 000 руб. [4].

В 1836 г., после четырехлетних усилий специальной комиссии, Николай I утвердил новый устав Академии, которая определялась как «первенствующее ученое сословие в Российской империи» и была призвана выполнять три главные задачи, состоявшие в научно-исследовательской работе, распространении просвещения и развитии практического применения научных результатов [5]. Число ординарных академиков увеличилось с 18 до 21. Основные занятия членов Академии наук были сосредоточены в области точных и естественных наук. Лишь 6 мест отводилось представителям исторических и политических наук. Среди гуманитарных дисциплин особое место занимали классическая филология и востоковедение.

Занятия классической древностью находились под особым покровительством Уварова, который придавал большое значение культурной близости России с европейским Западом и видел их общий источник образованности в античности, прежде всего ее греческой части, важной для изучения русской истории и словесности. Представления об основополагающем значении классицизма для утверждения национальной культуры легли в основу всей образовательной политики Уварова как министра народного просвещения.

Признанием роли Востока в истории цивилизации и воплощением растущего державного интереса к восточным соседям стало создание Азиатского музея в 1818 г. – скромное воплощение амбициозных замыслов Уварова открыть особую Азиатскую академию. Этот проект был подготовлен Уваровым в 1810 г. и получил большой резонанс как в России, так и на Западе, где ученый мир охватил настоящий «бум» изысканий в области востоковедения [6].

Перечень академических специальностей включал в себя русскую историю и древности, однако русский язык и литература не входили в круг предметов обязательных занятий Академии наук. Русистика и славистика являлись прерогативой Российской академии, однако в 1830-е гг. она существовала так вяло, что, наконец, по словам Я.К. Грота, «звание члена Российской Академии сделалось почти синонимом жалкого тунейдства» [7]. Такое состояние Российской академии указывало на необходимость ее коренного преобразования.

Смерть А.С. Шишкова 10 апреля 1841 г. поставила перед правительством вопрос о дальнейшей судьбе этого учреждения. Николай I повелел слить Российскую академию с Академией наук и уже 11 апреля поручил С.С. Уварову составить проект соединения двух академий [8]. Перспектива разбавить выпестованную его ревностным трудом академию вливанием в нее весьма многочисленной и

разношерстной по своему составу Российской академии не пришла Уварову по душе. Невозможность соединения академий в одно целое Уваров объяснял разнородностью занятий каждой из них. В Российской академии ученый был редкий, хотя и желанный гость, в основном ее действительными членами были духовные лица, высшие сановники, военные и известные литераторы. Академиками были Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин. Уваров сам состоял с 1830 г. действительным членом Российской академии и знал цену этому званию.

Через два месяца, 11 июня 1841 г. Уваров представил свой проект реформы академий, однако она предполагала не столько слияние академий, сколько их разделение. Более того, вместо двух академий он предлагал, по подобию Французского института, создать три учреждения под одним названием «Императорские соединенные академии» – Академию наук, Академию русской словесности, или Славяно-русскую академию, и Академию истории и филологии. Ученым первой из них надлежало разрабатывать естественные и точные науки. Перед второй ставилась задача изучения русского языка, словесности и истории, а также славяноведения. Академию истории и филологии составляли входившие в круг деятельности академии науки исторические, политические и филологические. За счет средств Российской академии Уваров надеялся осуществить давно задуманный им проект Азиатской академии. Востоковедение получило в его проекте обширное развитие, помимо языков, уже входивших в круг занятий академии, появилось несколько новых. Предметы занятий академии включали в себя «древности, историю, географию и языки Востока, именно языки: арабский и персидский, турецкий и татарский, грузинский и армянский, монгольский и калмыцкий, китайский и маньчжурский, санскритский и тибетский» [9].

В качестве эталона внутренней организации каждой из академий Уваров признавал структуру Академии наук и намеревался следовать ее уставу 1836 г. Предполагалось, что каждая из академий будет иметь собственное собрание действительных членов, или Конференцию, и своего неперменного секретаря. Уваров ходатайствовал о принятии наследником-цесаревичем великим князем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) звания канцлера Императорских соединенных академий. Однако Николай I не дал своего согласия ни на учреждение трех академий, ни на зва-

ние канцлера. Предложенное преобразование показалось ему слишком громоздким [10].

Незамедлительно, 12 июня 1841 г., последовало указание императора усилить научное назначение преобразованного учреждения и дать ему менее сложное устройство. Для упрощения административного управления Николай I повелел, чтобы «под общим названием Императорской Академии наук состояло бы три отделения: первое, или собственно Академия наук (*Sciences exactes*); второе отделение словесное, в коем заключалась бы и Российская академия; третье отделение истории и древностей, с коим поставить в сношение и Археографическую комиссию» [11].

Вслед за этим Уваров учредил Комитет нового устройства Императорской Академии наук в составе представителей Российской академии и Академии наук. Комитет возглавил вице-президент Императорской Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков, от Российской академии в него вошли неперменный секретарь Д.И. Языков и казначей А.Х. Востоков, от Академии наук — неперменный секретарь Н.И. Фус и академик-востоковед Х.Д. Френ [12].

К 7 августа 1841 г. Комитет подготовил проект нового академического устава и объяснительную записку к нему [13]. До сих пор считалось, что полный текст проекта не сохранился, и его содержание исследователи пытались восстановить по отдельным фрагментам и объяснительной записке [14]. В настоящее время этот документ обнаружен нами в собрании Российского государственного исторического архива и публикуется в приложении к статье.

Проект нового устава 1841 г. предусматривал изменение структуры Академии наук и расширение ее круга деятельности по сравнению с задачами, изложенными в Уставе 1836 г. Прежде единая Конференция (Общее собрание) всех действительных членов разделилась на три класса: физико-математических наук, отечественного языка и словесности, историко-политических наук и филологии. Хотя все дела по-прежнему решало Общее собрание, классы тоже имели свои заседания.

В проекте представлено подробное исчисление наук, входящих в состав каждого класса. К новым направлениям работы относились славистика и русская филология. Члены комитета А.Х. Востоков и Д.И. Языков дополнительно разработали подробный план занятий класса отечественного языка и словесности, этот план включал составление словарей и переводы на русский язык различных филологических сочинений [15].

В составе традиционных для академии точных наук тоже произошли изменения. Члены комитета исключили из класса физико-математических наук *географию и мореплавание* и прибавили *прикладную механику* как «предмет величайшей важности при практическом направлении, даваемом Академией многими местами устава ее» и *анатомию и физиологию растений* как «предмет новый и обращающий на себя внимание всего ученого мира». К классу историко-политических наук и филологии прибавились взамен исключенных из физико-математического класса *география и мореплавание, отечественная география и этнография* и те *восточные языки*, которые были перечислены в докладной записке Уварова [16].

Проект предполагал существенное увеличение числа действительных членов: вместо 21 положенных по уставу 1836 г. ординарных академиков намечалось 36. Подобное приращение произошло не только благодаря появлению 8 новых членов класса отечественного языка и словесности, но также за счет расширения основного состава академии: предполагалось увеличить класс физико-математических наук с 14 до 16 академиков и класс историко-политических наук и филологии с 7 до 12 академиков. Проект сохранял прежний принцип распределения академиков по специальностям. В отношении адъюнктов прежние правила были немного изменены. Общее число адъюнктов было увеличено с 11 до 14, и они были закреплены за классами. По уставу 1836 г. они не были распоряданы по наукам, и академия распределяла их по своему усмотрению.

Новые очертания получила сфера коллективной деятельности академиков: так, было усилено положение о том, что Академия снаряжает экспедиции для всестороннего изучения России, причем «исторические, статистические и лингвистические исследования об Отечестве могут и должны быть предметом ученых экспедиций».

В проекте намечались серьезные перемены в составе сторонних членов. Согласно § 5 Устава 1836 г., Академия наук «сверх действительных членов избирает еще членов почетных и корреспондентов», причем число русских почетных членов не было ограничено, число иностранцев не должно было превышать пятидесяти (§ 83); число членов-корреспондентов также не определялось (§ 87).

В 1841 г. было высказано пожелание укрепить престиж академических званий, а для этого ограничить число сторонних членов. «Цена, приписываемая чести избрания, — говорилось в объяснительной записке к проекту устава 1841 г., — соразмеряется с трудностью приобретения этой чести» [17]. Звание почетных членов оставили за

представителями высшей бюрократии Российской империи и ограничили их число 50 (§ 82 проекта).

Для почетных членов из ученых ввели особое звание почетного академика, которое соответствовало званию *Associé étranger* Парижской Академии наук. Новым званием отмечались заслуги первостепенных, преимущественно иностранных ученых. Авторы проекта допускали, что «в классе русского языка и словесности в сие звание будут облакаемы известнейшие и пользующиеся общим уважением русские писатели и стихотворцы, как представители изящного вкуса и посредники между академией и отечественной публикой» [18]. В каждом классе полагалось определенное число почетных академиков, в общей сложности не более 33.

Устанавливались ограничения и для числа членов-корреспондентов, 135 человек. Эта вынужденная мера объяснялась тем, что число корреспондентов непомерно возросло: с 1830 по 1841 г. ежегодно избиралось в среднем по 15 человек; и за это время их общее количество увеличилось почти на сто человек. Неизбежным следствием относительной легкости приобретения этого звания было уменьшение уважения к нему со стороны ученых. В разряд корреспондентов допускались только ученые, а для лиц, которые оказывали Академии разного рода услуги и отличались усердием в сборе полезных для нее материалов и коллекций, учреждался особый разряд сотрудников.

Статьи проекта нового устава 1841 г. о сторонних членах были использованы во время подготовки «Положения о сторонних членах» 1843 г. и вошли в него лишь с небольшими коррективами. По каким-то причинам «Положение» не было утверждено императором, но с разрешения президента С.С. Уварова, который одновременно был министром народного просвещения, Общее собрание стало руководствоваться теми статьями этого проекта, которые относились к избранию членов-корреспондентов [19].

Проект нового устава обладал рядом несомненных достоинств и был представлен 7 августа 1841 г. в Министерство народного просвещения, однако не получил дальнейшего движения. Проект внимательно изучили товарищ министра народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов и сам министр С.С. Уваров, причем оба оставили на полях документа множество помет [20]. Анализ корпуса читательских помет двух высших чиновников Министерства народного просвещения позволяет сделать вывод о том, что главным камнем преткновения на пути реформы была неизбежность существенного уве-